

Морская летопись

ИСТОРИЯ МОРСКИХ РАЗБОЙНИКОВ

И.-В. фон Архенгольц

Морская летопись

Иоганн фон Архенгольц

**История морских
разбойников (сборник)**

«ВЕЧЕ»

1803, 1804

фон Архенгольц И. В.

История морских разбойников (сборник) / И. В. фон Архенгольц — «ВЕЧЕ», 1803, 1804 — (Морская летопись)

Пираты, корсары, буканьеры, флибустьеры давно уже стали героями приключенческих книг. Нередко морские разбойники в них предстают романтическими героями, отправляющимися в море за счастьем по вине обстоятельств или несправедливости властей. Однако в реальности история пиратства, начавшаяся с незапамятной древности (о пиратах говорит еще Гомер) и продолжающаяся до наших дней, полна ужасающих кровавых страниц, а сами пираты часто предстают в ней грабителями, вымогателями и убийцами, захватывающими не только одиночные корабли, но и целые города... Среди исследователей пиратства особое место по праву принадлежит немецкому историку Иоганну Вильгельму фон Архенгольцу. Два его труда «Die Geschichte der Flibustier» («История флибустьеров») и «Die Geschichte der Bukaniere» («История буканьеров»), вышедших в Тюбингене в 1803 и 1804 гг. и рассказывающие о боевых операциях, обычаях, нравах и повседневной жизни морских разбойников испанской Америки, Средиземного моря, Скандинавии и Дании, считаются одними из лучших. В настоящем издании представлен перевод этих книг, сделанный во второй половине XIX в. литератором и переводчиком К. Е. Вельсбергом.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ[1]	5
Часть I	10
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

И. В. фон Архенгольц

История морских разбойников

ВВЕДЕНИЕ¹

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И НАЧАЛО

МОРСКОГО РАЗБОЯ В ДРЕВНИЕ

ВРЕМЕНА И В КОНЦЕ СРЕДНИХ ВЕКОВ

В эпохи величия народов, так же как и в эпохи их падения, встречались люди особенного рода, которых таинственная судьба выбирала в толпе на страх и удивление миру.

Эти феномены, руководимые неизвестною мощью, открывали себе будущность единственно смелостью и дерзостью. Первый успех освещал им путь; к возникающему счастью их пристают смелые товарищи и, бросив меч на весы человеческих превратностей, водружают свои знамена над могилами и разрушением.

Одни, усилившись между развалинами вторжения, останавливались на вершине первой решительной победы – орудия Провидения, они иногда мудростью своей вознаграждали за причиненное зло: их называли «завоевателями». Из рук их выходили новые цивилизации, и память, оставшаяся о них в истории, возбуждает из века в век удивление позднейшего потомства.

Иные, предвидя другие роды славы и презирая образ завоевания, которое должно оспаривать шаг за шагом, распространяли страх на водах. Необъятная панорама моря сулила им на каждом берегу великолепную добычу. Нападающие неожиданные соперники ужаснейших бурь, шутя кораблекрушениями и не ставя жизнь ни во что, они усиливались возбуждаемым ими ужасом, заслуживали прозвание бичей Божьих и попеременно погибали или от излишества зла, ими причиненного, или от мести света. Происхождение их неизвестно, память их опозорена.

На заре времен исторических тот, кто первый, вверив жизнь свою утлому челноку из древесной коры, решился бороться с волнами, не оставил после себя даже следа своего имени. Лирическая строфа века Августова:

«*Illi robur et aes triplex
Circa pectus erat, qui fragilem truci
Commisit pelago ratem
Primus...*» (Q. Horatius Flaccus. Carmina.)²

служит единственным памятником этого промелькнувшего существования. Таким образом, большая часть достойных памяти изобретений приговорила творца своего к забвению, как будто по какому-то непостижимому предназначению гениальный человек, произведший что-нибудь великое или полезное, осуждался на неизвестность.

Во всяком случае, несмотря на мрак, которым покрыты первоначальные изобретения, драгоценное искусство мореплавания без сомнения принадлежит отдаленнейшим векам, и

¹ В настоящем издании сохранено написание географических названий и исторических имен, принятое в XIX в. – *Примеч. ред.*

² Строфы из «Песен» Горация в переводе Н.С. Гинцбурга: «Знать, из дуба иль меди грудь//Тот имел, кто дерзнул первым свой хрупкий челн//Вверить морю суровому...». – *Примеч. ред.*

воинственные орды Востока очень рано сделали его средством для завоеваний и стяжаний. Любовь к смелым предприятиям, особенно сильная во время младенчества народов, увлекла на это поприще множество людей, жаждавших славы в эпоху, когда слава была уделом храбрейшего, когда сила заменяла право и всякое господство утверждалось на мече.

Лишь только греки варварского периода начали разъезжать по Средиземному морю, они предались морским разбоям под начальством смелых предводителей, и это ремесло, утверждают историки, не только не считалось постыдным, но, напротив, почетным. «Какое ремесло твое?» – спросил мудрый Нестор молодого Телемака, отыскивавшего отца своего после падения Трои. «Путешествуешь ли по делам своей земли или принадлежишь к числу тех пиратов, которые распространяют ужас на отдаленнейших берегах?» Эти слова, приводимые Гомером, служат как бы отблеском характера того времени – характера, знакомого всем воинственным обществам, неподчиненным еще закону и считающим героизмом подобные проявления силы, которым рукоплещет толпа. Верный живописец железной натуры, народный певец Греции освятил в своих стихах страшный тип этих новых завоевателей, и это предание, сделавшееся общенародным и сохранившееся в недрах древнего просвещения, защищало славу искателей приключений, которые прославлялись, подражая примеру аргонавтов. Сказки и легенды, пережившие многочисленные поколения, исчезнувшие с лица земли, обожествили в свою очередь других героев, которые защищали свою родину от нападений пиратов или вдали от отчизны делались защитниками угнетенных.

Народная признательность сооружала им памятники, которых следы не изгладились до сих пор. Вакх, бог вина, не всегда имел атрибутом один тирс (жезл, обвитый виноградными листьями), меч его не раз поражал тиранов моря. Изваяния, находимые в древних Афинах, свидетельствуют о его мужестве, и позже строгий законодатель Крита Минос, которого признательность современников поместила в число судей душ, ознаменовал свое царствование подобными же подвигами.

За двадцать веков перед этим Оссиан, бард севера и соревнитель Гомера, воспевал бесчисленных героев, спускавшихся с бурых холмов и которых темное море катило на волнах своих к берегам древней Ирландии. «Пена, – говорил он, – прыгала под их палубными судами, мачты с белыми парусами гнулись под напором ветра, подобные тем еловым лесам, которых высокие вершины убеляет суровая зима. Мы часто переплывали моря, чтобы нападать на иноземцев; ржа смывалась с мечей наших в крови, и цари земные оплакивали свои потери».

Древние времена кончились, как начались; за истощенною образованностью снова следуют злоупотребления силы, и десять столетий средневековых не слишком большое пространство времени, чтобы отбросить к пределам Европы последних представителей варварства.

Если в языческую эру мы возвратимся к апогею блеска Рима, то увидим эту республику, раздираемую враждой Мария и Суллы, готовую погибнуть под силою, развившеюся на границах ее владений.

Страшное сборище пиратов несколько лет уже росло и усиливалось в Киликии, прибрежной стране азиатского материка, лежащей между Сирией, от которой отделялась горюю Тавром и нижней Арменией. Эти смелые грабители крейсировали в архипелаге, брали на abordаж слабо вооруженные корабли, заносимые туда торговлею. Первым блистательным подвигом их было пленение Юлия Цезаря, который еще молодой, спасаясь от проскрипции Суллы, укрылся при дворе Никомеда, короля Вифинского. На возвратном пути он попал в засаду киликийских пиратов близ острова Фармакуза. Эти бесчеловечные люди, чтобы избавиться от лишних потребителей пищи, связали несчастных, попавшихся им, попарно спина со спиной и бросили в море, но предполагая, что Цезарь, одетый в пурпурную тогу и окруженный множеством невольников, должно быть, знатная особа, позволили ему послать кого-нибудь в Италию для переговоров о выкупе.

В продолжение двух недель пребывания у пиратов Цезарь показывал так мало страха, что удивленные разбойники инстинктивно преклонялись перед его гордыми речами, можно сказать, что будущий диктатор как бы предчувствовал судьбу свою и видел уже на небе блестящую звезду своего величия. Иногда он с насмешливой улыбкой принимал участие в забавах пиратов, но вдруг, вспомнив о своем положении, уходил, грозя повесить их всех, если кто-нибудь осмелится потревожить его. И эти варвары вместо того, чтобы обижаться, подчинялись нехотя этой железной воле. По присылке выкупа, который сам назначил в 5000 золотых монет, Цезарь отправился в Милет и велел снарядить несколько кораблей, чтобы погнаться за хищниками, вскоре отыскал их в группе островов, где они бросили якорь, отрезал им отступление, овладел их добычей, которая вознаградила расходы на снаряжение судов, и отвез в Пергам длинный ряд пленников, которых велел повесить на прибрежных деревьях.

Но это строгое наказание доставило Средиземному морю только мимолетную безопасность. Воспользовавшись междоусобиями, долго препятствовавшими Римской республике заниматься своими внешними интересами, киликийские пираты в короткое время достигли такого могущества, что, по сказанию Плутарха, они учредили арсеналы, наполненные воинскими снарядами и машинами, разместили гарнизоны и маяки на всем азийском берегу и собрали флот с лишком в тысячу галер. Суда их, блистая царскою роскошью, имели позолоченные, пурпурные паруса и обитые серебром весла. Никогда впоследствии не было примера, чтобы пираты так дерзко выставляли добычу перед глазами ограбленных.

Скоро им показалось недостаточным разезжать по морю, и когда страх их имени, предвестник ужасных бедствий, превратил море в пустыню, тогда они, объявив древнему миру беспощадную войну, рассыпали по берегам армии, разграбили 400 городов и местечек в Греции и Италии и явились омыwać свои окровавленные паруса в Тибр, перед лицом самого Рима.

Становясь вследствие безнаказанности с каждым днем дерзостнее, они наконец вызывают на бой владычицу мира, и между тем, как в Капитолии накапливаются богатства завоеванных провинций, недостижимый враг бороздит подобно грому поля народа-царя.

Если в каком-нибудь городе находится святыня, обогащенная приношениями, пираты опустошают ее под предлогом, что боги не нуждаются в блеске золота.

Если гордые патриции выезжают из Рима со всем блеском богатства и знатности, то для того, чтобы протянуть руки к цепям рабства, поле покрывается засадами, и хитрость идет на подмогу насилию.

Если в летних дворцах, основания которых омывають голубые волны итальянских заливов, находится женщина консульской породы или какая-нибудь смуглая молодая девушка, жемчужина любви для азиатских гинекеев, хотя бы она происходила от тех триумфаторов, которых слава прогремела по вселенной, хищники наперед знают цену знатности и красоты ее. Благородная матрона – залог для дней будущих неудач; девица, выставленная нагая на рынках Востока, продается на вес золота, стыдливость ее оценивается подобно прелестям, и боспорские сатрапы готовы отдать провинцию за каждую слезу ее.

Если какая-нибудь галера, украшенная римской волчицей, истощив все средства защиты, вступает в переговоры, тогда пираты разделяют экипаж на две части. Тех, которые просят о пощаде, приковывают к скамье гребцов. Те, которые, гордясь титулом римского гражданина, грозят победителям мстью своего отечества, тотчас становятся целью зверской насмешки. Пираты, как будто сожалея о своей дерзости, падают ниц перед ними. «О, конечно, – восклицают они, – ступайте, вы свободны, и мы будем слишком счастливы, если вы простите нашу непочтительность!» Потом отводят их на борт корабля и сталкивают в пучину.

Говорить ли, что в униженном Риме ни один великодушный голос не возвысился против этого бича. Прибавить ли, что скупость некоторых могущественных людей, отвратительная расчетливость политических партий долго благоприятствовали этим ежедневным бедствиям и

жили тайным барышом от народного траура, пока, наконец, из крайности зла вместе со стыдом подвергаться ему, возникла необходимость положить ему предел.

Конвой хлеба из Сицилии, Корсики и с берегов Африки, взятый киликийцами, произвел страшный голод в Риме. Народ, восстав, обратил город в огнедышащий вулкан, и патриции, и трибуны, стоя между двумя предвестниками близкой гибели, прекратили на время свои интриги, чтобы пособить всеобщему бедствию. Народу дают оружие, указывают врага, производящего между ним голод, и сто тысяч волонтеров, разместившись на четырнадцати флотилиях, подобно хищным орлам бросились на все морские пути.

Помпей, уже знаменитый, управлял этой обширной экспедицией, и четырнадцать сенаторов, известных мужеством и опытностью, под его начальством командовали отдельными флотилиями этой импровизированной морской армии, быстрота организации которой имеет мало примеров в истории. Пятьсот кораблей поплыли к Азии, заграждая все сообщения Востока с Западом и уничтожая все, что покушалось пройти мимо них. Стесненные более и более этим убийственным оплотом, пираты в отчаянии и беспорядке возвращаются в Киликию и сосредоточиваются в крепости Карацезиум, чтобы попытать шансы решительной битвы. После сорокадневной поездки, ознаменованной значительными призами и уничтожением множества пиратов, Помпей принимает последний решительный вызов, сжигает их суда и превращает в прах стены Карацезиума. Потом, высадившись со всею армией, преследует свою победу, берет и уничтожает одно за другим все укрепления, сооруженные между берегом и Тавром, в которых спрятаны бесчисленные сокровища, награбленные в Греции, Италии, Испании. Но, кончив это дело, римский полководец пощадил остатки побежденных и на берегу, свидетелем своего подвига, соорудил город, некогда цветущий³, передавший нам память об этой странице из его жизни.

Таков был конец морского разбойничества в древности – великая заслуга, которую Рим не оценил достаточно, потому что отказал Помпею в заслуженном триумфе.

Когда Римская империя вместе с суровостью народных добродетелей лишилась всемирного скипетра, необъятное наводнение открыло Средние века⁴. Вооруженные миграции Севера и Востока заглушили последние вздохи древней образованности. История, видя такие события, ужасается бедствий, угрожающих миру; но возник один народ, носивший в себе судьбы будущего, и в тот день, когда около конца пятого столетия предводитель одного германского племени шагнул за Рейн, перевернулась страница в книге вечности. Шесть тысяч франкских воинов являются с Кловисом; имя их – свободные люди, они начертывают место своего завоевания от Рейна до Пиренеев и от океана до Альпов. Победа верна им, побежденные возделывают для них землю. Событие это служит политическим переворотом, навеки памятным. Галлия, пять столетий принадлежавшая Риму, становится государством самостоятельным.

Вне Франции война продолжается и расширяется. Испания, Италия и Германия готовы склониться пред скипетром, который скоро будет простерт над варварскими странами до самой Вислы. С одной стороны, отбитые аравитяне делаются причиной крестовых походов; с другой – саксонцы, усиленные подобно дикому табу, готовы впрячься в колесницу новой империи, ибо Карлу Великому не довольно титула королевского. Рим, возвеличенный им, принимает его в христианском Капитолии и благословляет меч «пришедшего во имя Господня». Иерусалим посылает ему реликвии святого гроба, законодатель гордых аравитян Гарун эль-Рашид делает ему богатые подарки.

³ Помпейополис, в шести милях от Тарза на берегу Карамании. – *Примеч. пер.*

⁴ В Средние века морские разбои состояли только в отдельных, разрозненных фактах, без прямого влияния на политические события. Хроника Олауса Вормиуса говорит только, что датские короли сами занимались этим ремеслом в северных морях. Известно также, что знаменитый Ганзейский союз отчасти составилялся против хищничеств Виталийских Братьев. – *Примеч. пер.*

Наконец, миновали и Крестовые походы, стоившие столько крови и придавшие новый вид европейской политике. Историю Средних веков заключают два важные события: взятие Константинополя турками в 1453 году и сокрушение владычества аравитян в Испании в 1492 году.

Последнее событие породило морские разбои Нового времени, о чем повествует первая часть сочинения Архенгольца.

В России до сих пор самое имя флибустьеров почти совершенно неизвестно, и хотя о них упомянуто было несколько раз мимоходом, но многие, вероятно, не только не составили себе ясного понятия о значении этого общества, но даже не знают, когда существовало оно и чем прославилось. Между тем флибустьеры невообразимую дерзостью своих предприятий, варварством и жадой крови, собственными лишениями и несчастьями внесли себя во всемирную историю. О них доселе и за границею существуют только два сочинения, одно 1744 года под названием «Histoire des Flibustiers» Эксквемелина (4 части) и другое «Ceschichte der Flibustiers» Архенгольца, напечатанное в 1803 году. Оно же переведено на французский язык и теперь представляется читателям в русском переводе. Главными источниками этих двух историков служили записки многих флибустьеров, описывавших события, в которых участвовали. К главнейшим и важнейшим из них принадлежат записки англичанина Базиля Рингроза, голландца А.О. Эксквемелина и француза Равено-де-Люссана. Кроме того, Архенголец пользовался при составлении своей книги «Историей острова Сан-Доминго», составленной из записок миссионеров иезуитом Шарльвуа, «Историею Антильских островов» доминиканца дю-Тертра и «Путешествием патера Лабата по американским островам». Поэтому сочинение Архенгольца составляет самое полное и по возможности достоверное описание этих морских разбойников, опустошавших в продолжении полустолетия всю испанскую Америку, малыми отрядами покорявших и грабивших самые значительные города, почти уничтоживших владычество испанцев в Америке в эпоху, когда народ этот разыгрывал первостепенную политическую роль в Европе и, наконец, вдруг исчезнувших навсегда с поприща разбоев и битв. Вольтер с восхищением говорит о флибустьерах и справедливо замечает, что явись между этими людьми человек гениальный, который сумел бы соединить в одно разрозненные силы их, флибустьеры завоевали бы Америку от одного полюса до другого и произвели бы совершенный переворот в политике Европы и Америки.

Вторая часть, которая идет вслед за этой, включает в себя историю морских разбойников Средиземного моря, то есть обывателей северного африканского побережья, известного под названием «Разбойнических государств». В третьей части помещена история норманнских морских разбойников, то есть по мере выхода подлинника, издаваемого г. Христианом. Каждая часть заключает в себе полный рассказ об одном или нескольких отдельных обществах пиратов.

К. Вельсберг

Часть I

ИСТОРИЯ ФЛИБУСТЬЕРОВ, МОРСКИХ РАЗБОЙНИКОВ, ОПУСТОШАВШИХ ИСПАНСКУЮ АМЕРИКУ В XVII СТОЛЕТИИ

Глава 1

БУКАНЬЕРЫ, ПРЕДКИ ФЛИБУСТЬЕРОВ

Семнадцатый век был свидетелем явления, какого не видали со времени уничтожения Помпеем киликийских морских разбойников, если можно сравнить эти два события, потому что и они не имеют одинаковой основы в цели. Флибустьеры составляли совершенно оригинальную республику и прославились под общим названием буканьеров или флибустьеров. Эта республика ни в чем не походила на африканские разбойничьи государства, и отличалась как своею системою, правилами и законами, так и своими подвигами от всех образовывавшихся когда-либо обществ морских грабителей, нисколько не походя и на северных морских разбойников, которые в Средние века ограничивались только нападениями на отдельные корабли, но не дерзали на смелые высадки, не осаждали и не брали крепостей, не приводили в трепет армий и флотов.

Флибустьеры были обществом совершенно оригинальным. Это была плавучая республика европейцев, разделенная на большие или меньшие общины, но управляемая одною мыслию, одними законами и условиями, имевшая одну общую цель – добычу. Первоначальным поводом к основанию этой странной республики были жадность и притеснения европейских владетелей, особенно же испанцев, на вестиндских островах; впоследствии она получила такое огромное развитие, какого не предполагали даже сами флибустьеры. Причиной этого было затруднение, с каким была сопряжена возможность доставлять в эти отдаленные страны достаточные средства к уничтожению пиратов; особенно же их поддерживала надежда на добычу, которую обещали мореплавание испанцев и сокровища золотоносных стран Перу и Мексики.

Ко всему этому присоединялась еще зависть европейских государств к мнимо счастливой Испании, которой досталась в удел такая значительная часть при разделе Америки, тогда как они владели только небольшими прибрежными колониями или незначительными островками, а иногда и ничем. Цветущим ныне Северо-Американским штатам тогда только что полагалось основание. Поэтому Франция и Англия, частию Португалия и Голландия, начальники их флотов, губернаторы их островов явно и тайно поддерживали пиратов и благосклонно смотрели на их подвиги, ослаблявшие Испанию и обогащавшие колонии других государств. И это случалось не только в военное время, когда и без того легко было получить привилегию на свободный грабеж, но и посреди мира, потому что многие страсти и предрассудки раздували непрерывно пламя ненависти к Испании.

Испанию, бывшую в шестнадцатом столетии действительно могущественною державою, почитали такою же и в XVII, хотя неспособное правительство и рассеянность владений довели ее до большой слабости. Впрочем, мнение это было некоторым образом основательно, если принять в соображение плохое состояние финансов, войска и торговли всех народов в то время, когда 20 000 человек считались сильною армиею и казна государственная, владевшая 2 миллионами талеров, считалась богатою; когда науки и искусства были пренебрегаемы, торговля – главная сила государств неизвестна, и на купца смотрели с презрением; когда инквизиция, привилегии церковные, папские буллы и анафемы были великою темою для всех народов, и

государи, и подданные, находясь в глубоком невежестве, исключительно занимались бесполезными и часто бессмысленными религиозными спорами. Цивилизация человеческого рода, или, правильнее, нравственное перерождение его еще только начиналось.

При таком положении дел блеск, которым Карл V озарил Испанию, делался ослепительнее, и сыну его, Филиппу II, наследовавшему после отца своего сокровища Нового Света, великих полководцев, превосходную кавалерию и лучшую пехоту в Европе, было не трудно, несмотря на отторжение Нидерландов, поддерживать этот блеск, перешедший, хотя ослабленный, и к его наследникам. Такой оптический обман продолжался до Вестфальского мира, когда померкли последние лучи этого блеска. Спустя пятьдесят лет после смерти Карла II Испания, которой страшились так долго, то основательно, то неосновательно, пребывавшая в вечном духовном рабстве и на низкой ступени образованности, между тем, как все другие государства стремились к просвещению, заняла, наконец, следовавшее ей место – государства второстепенного.

В Европе уже несколько лет знали по имени буканьеров и флибустьеров, но их почитали людьми дикими, шайкой разбойников, составленной из сброда разных народов. Притом же их хищничества и разбои, ограниченные сначала во многих отношениях, в стране, где в течение полутора лет разбои и убийства были правом сильнейшего, не представляли ничего отличительного и необыкновенного. Флибустьеров представляли себе обыкновенными пиратами, или, правильнее, на них не обращали в Европе никакого внимания, пока они правильною системою действий, некоторого рода устройством государственным, многими особенностями, а преимущественно необыкновенными подвигами и приключениями не возбудили всеобщего удивления и не заняли в истории места, которого не лишат их ни время, ни другие события.

Между тем, история флибустьеров более способна внушать удивление и печальные чувства, нежели поучать и назидать читателей. В ней появляются действующими людьми, которые ничтожными средствами производят необыкновенные действия и развивают невероятные силы. Предприимчивость, непобедимое мужество, деятельность, терпеливость в страданиях, презрение опасностей и смерти возбуждают к этим людям удивление, тогда как пороки их, преступления, насилие и ужасы всякого рода наполняют душу читателей отвращением и ужасом. При таких противоречащих, уничтожающих всякое удивление чувствах, мы должны бы были отвести взоры наши от этих людей, предать забвению их подвиги и вечному проклятию их память, если б качества, исчисленные нами выше, в соединении с некоторыми общественными добродетелями не представляли их нам в менее отвратительном и более любопытном виде.

Предками этого общества пиратов были дикие охотники за буйволами на острове Испаньоле, прославившемся впоследствии под именем Сан-Доминго как превосходнейшая колония европейцев в Вест-Индии, а в новейшее время восстанием негров. Охотников этих называли буканьерами. К ним присоединились охотники за кабанами и медведями – товарищи, принявшие то же название. Эти люди жили безвыходно в лесах и обыкновенно по несколько месяцев не бывали дома. Возвратясь с охоты, они делили добычу свою и отправлялись на соседний остров Тортугу (Черепаший). Здесь продавали они поселенцам шкуры, копченое и соленое мясо убитых зверей, покупали на часть вырученных денег порох, свинец и другие необходимые вещи, а остальные проматывали.

Не переходя еще к настоящему предмету нашей истории – описанию подвигов флибустьеров, мы обозначим яснее людей, прославившихся под названием буканьеров и флибустьеров. Надобно заметить, что на буканьеров должно смотреть отдельно от флибустьеров, ибо хотя они и жили в некоторого рода союзе между собою, но действовали отдельно, и только впоследствии, вынужденные обстоятельствами, соединились теснее и стали действовать заодно.

Буканьеры, поселившиеся на Антильских островах, преимущественно же на острове Сан-Доминго, составляли по своему образу жизни совершенно отличную касту людей, проис-

ходивших большею частью из Нормандии, во Франции. Название буканьеров получили они от мест, где находились их небольшие обработанные поля и жилища. Здесь солили и коптили они мясо убитых животных, сушили их шкуры и проч. Такие места назывались буканами. Жилища эти состояли из больших шалашей, покрытых сверху, но без стен; они защищали от дождя и солнца, но не противопоставляли никакой ограда ветру, с какой бы стороны ни дул он.

Общество буканьеров состояло частью из поселенцев – французов и выходцев других европейских народов, частью из потомков их и из людей, необыкновенною судьбою своею принужденных переплыть океан. Впрочем, большинство всегда составляли французы. Не имея семейств, буканьеры жили вместе по двое в полном согласии и товариществе, прислуживая друг другу и владея всем сообща. Они называли друг друга «матросами» (*matelots*), а житье свое «матросством» (*matelotage*). Переживший товарища наследовал его имущество. Кроме этой общности во владении имуществом, между всеми буканьерами существовала еще другая связь, более обширная: всякий, нуждаясь в чем-нибудь, мог без спроса брать нужное из другого букана. Запирать имущество считалось величайшим преступлением против прав общественных. Следствием этого было то, что в республике, где не знали слов мое и твое, споры между членами были весьма редки; если же они и возникали, то тотчас устранялись товарищами.

Законы, которыми управлялись буканьеры, были очень просты. Они не признавали других законов, кроме взаимных условий, и, если советовали им ввести какие-нибудь улучшения, они отвечали холодно: «Это не водится на берегу». Предания о подчиненности заставляли их почитать своим начальником в некоторых отношениях губернатора Тортуги и называть себя христианами, не следуя, впрочем, никакому учению христианской религии.

Всякий, вступивший в общество буканьеров, должен был забыть все привычки и обычаи благоустроенного общества и даже отказаться от своего фамильного имени. Для обозначения товарища всякому давали шутовское или серьезное прозвище, перешедшее у многих из них даже на потомков, если они вступали в брак. Другие только при брачном обряде объявляли свое настоящее имя: от этого произошла до сих пор сохранившаяся на Антильских островах поговорка, что «людей узнают только тогда, когда они женятся».

Со вступлением какого-нибудь буканьера в брак, не только изменялся прежний образ жизни его, но прекращалась всякая связь с прочими буканьерами. Женившийся принимал название «жителя» (*habitant*), формально подчинялся губернатору Тортуги и становился колонистом.

Одежду буканьеров составляла рубашка из толстого полотна, запачканная кровью убитых животных и окрепшая от нее, такие же панталоны, башмаки из свиной кожи; чулок не употребляли. Поясом служил ремень, выкроенный из кожи; на нем висело несколько ножей и очень коротенькая сабля. Голову покрывали шапкою. Огнестрельное оружие ограничивалось ружьями, из которых стреляли двухлотовыми пулями. У каждого буканьера было по одному или по несколько слуг и от двадцати до тридцати собак, приученных к охоте. Главным ремеслом их была охота за буйволами; охота же за кабанами считалась простою забавою. Мясо этих животных служило буканьерам пищею; сырой мозг употребляли они для завтрака. Имея очень ограниченные потребности, не употребляя ни вина, ни хлеба и, живя в самой отвратительной нечистоте, подобно готтентотам⁵, буканьеры не нуждались во многих необходимых для всякого другого снарядах. У них не было ни столов, ни скамеек. Для отдыха и еды садились на голую землю, причем камни, пни или древесные корни служили им столом.

При таком образе жизни буканьеры были всегда веселы, пользовались отличным аппетитом и здоровьем, которое начинало ослабевать только после многолетних трудов дикой жизни. Поэтому благоразумнейшие вели эту жизнь только известное число лет, прощались потом с

⁵ Готтентоты – народ, живущий в центральных и южных районах Намибии и ЮАР. – *Примеч. ред.*

товарищами и вступали в разряд поселенцев. Другие, напротив, и слышать не хотели о такой перемене, часто отказывались даже от значительных наследств и умирали буканьерами.

Главнейшие буканы находились на полуострове Самане, на небольшом островке в Байяхской гавани, на северном берегу Сан-Доминго, в гавани Марго, на острове Тортуге, в так называемой Опаленной Саване, в Мирбалете и на острове, называемом испанцами Вакка, а французами – Аваш (мы будем называть его Коровьим островом).

В этих-то местах мирно жили буканьеры, большею частию французы, не мешая никому, как вдруг испанцы, не обращая внимания на то, что ремесло буканьеров выгодно и для них, вздумали прогнать всех их с острова Сан-Доминго или, если возможно, уничтожить их совершенно.

Начало исполнения этого жестокого и для самих испанцев гибельного намерения было очень легко. Следуя принятой ими столь удачной против американских дикарей методе, они напали вдруг на рассеянных, ничего не подозревавших, невинных буканьеров, убили часть их, а других увлекли в неволю. С этой минуты охотники сделались осторожнее, ходили всегда небольшими отрядами, готовые к сопротивлению, и если, несмотря на это, на них нападали, то они дрались так отчаянно, что, несмотря на превосходство числа, почти всегда одолевали испанцев и принуждали их искать спасения в бегстве.

Тогда испанцы переменили образ войны. Частная травля буканьеров, погубившая не одного правоверного испанца, прекратилась, а вместо того стали нападать на буканьеров по ночам в буханах, убивали господ и слуг и не щадили даже собак. Эти неистовства довели буканьеров до бешенства. Они соединились и повели также наступательную войну, причем не щадили никакого врага. Это подействовало. Испанцы, по-видимому, прекратили все неприязненные действия, и буканьеры начали льстить себе надеждою, что их оставят, наконец, в покое. Но враги их ждали только подкрепления: как скоро оно прибыло из испанских колоний, война возгорелась снова. Но и буканьеры приобрели подкрепления: французы с Тортуги и других островов и многие другие искатели приключений и добычи соединились с ними. Неприятель дрались беспрестанно, и кровь лилась на всем острове. До сих пор многие урочища на Сан-Доминго сохранили название «полей убийства». Все это происходило между 1660 и 1665 годами.

Губернатор небольшого французского острова Тортуги участвовал во всех этих происшествиях только под рукою, потому что тогдашнее положение Франции и ее отношения к другим европейским державам не позволяли ей защищать буканьеров открыто. Мадридский двор, напротив, смотрел на это дело с самой черной стороны, полагая, что может спасти торговлю свою на Сан-Доминго и во всем Новом свете единственно совершенным изгнанием французов с этого острова и с Тортуги. Вследствие этого он послал в Америку повеление собрать войска не только с соседних островов, но и с твердой земли, поручить начальство над ними старому, прославившемуся в нидерландских войнах офицеру фан-Дельмофу, и отличившимся обещал значительные награды.

Фан-Дельмоф прибыл на Сан-Доминго в 1663 году и несколько дней спустя открыл неприятельские действия. Так как значительнейший букан находился в Саване, то он здесь решился напасть на буканьеров. Для этого он выбрал 500 человек лучших солдат, сам принял начальство над ними и скрытно, снабженный всеми воинскими снарядами европейского отряда, форсированными маршами пошел в Савану. Буканьеры узнали об этом от одного охотника тогда только, когда испанцы подошли уже очень близко. Их всего была сотня. Они могли еще спастись бегством и безопасно достигнуть другого бухана, но почли позорным для себя отступление и потому решились немедленно идти навстречу испанцам, что тотчас и исполнили. К удивлению наступающих испанцев, не думавших о такой дерзости, враги встретились у горного ущелья. План испанского предводителя расстроился тем совершенно. Фан-Дельмоф презирал буканьеров и никак не ожидал подобной смелости. Впрочем, многочисленность, превосходство

оружия и опытность заставляли испанцев надеяться на несомненный успех. Буканьеры напали первые. Обе стороны при равном остервенении дрались отчаянно, и победа долго оставалась сомнительною. Наконец, буканьеры победили, испанский отряд был совершенно разбит и прогнан в горы. Множество испанцев были убиты, между прочими и начальник их, фан-Дельмоф. Это поражение вместе со смертью начальника произвело сильное впечатление. Возвратились к прежней методе: видя, что буканьеры на охоте часто пренебрегают нужною осторожностью, опять стали нападать на отдельных охотников. Последние, желая только покоя, сделали новый шаг. Чтоб избавиться от непрерывных стычек и бдительности, они решились перенести все свои буканы на маленькие острова около Сан-Доминго и отправляться для охоты на последний остров не иначе, как сильными партиями. Это было исполнено и имело желанный успех. Нападения стали реже и партия ровнее, поэтому и война поддерживалась слабо.

Так как буканы на новых местах, избранных буканьерами, были безопасны, то мало-помалу превратились в «жилища» или так называемые «habitations», в которых поселились колонисты, мастеровые и промышленники. Так основалась, например, колония Байяго, близ которой природа образовала одну из красивейших и обширнейших гаваней Америки. Место это было недалеко от Тортуги, куда буканьеры проезжали в несколько часов для продажи кож и мяса и приобретения нужных для их ремесла вещей. Но скоро прекрасная байягская гавань избавила их и от этого труда: французские и голландские корабли сами стали приезжать за товарами буканьеров и привозить все, в чем нуждались последние.

Между тем война не прекращалась. Буканьеры каждый день приезжали охотиться на Сан-Доминго, и испанцы в большем и большем числе стали нападать на небольшие отряды их. Всякого буканьера, попавшего в руки испанцев, убивали. Но смерть одного буканьера приводила в движение весь его букан: работы прекращались и никто не смел заниматься охотою, пока не отомстили за убитого товарища.

Раз буканьеры не досчитались вдруг четырех товарищей. Тотчас решились отправиться всем буканом на Сан-Доминго и не расходиться, пока не узнают об участии товарищей, а в случае, если они убиты, отомстить за них. Немедленно схватили нескольких испанцев и узнали от них, что не только четыре буканьера, но и целый отряд их истреблен, и что испанцы хладнокровно убили даже раненых, не могших защищаться. Это открытие привело в ярость буканьеров и первыми жертвами ее пали пленники. Потом охотники подобно диким зверям ринулись в соседние селения и убили всех испанских колонистов, которые не успели скрыться.

Таким образом, продолжалась война между обеими сторонами, причем испанцам удавалось иногда, впрочем редко, поразить врагов. Однажды напали они в числе 200 человек на 30 буканьеров, которые только что хотели выйти на берег Сан-Доминго. Буканьеры дрались до последнего человека. Их перебили всех. Подобное случилось недолго спустя с другим отрядом охотников, под предводительством Торе, одного из знатнейших буканьеров. Кончив охоту, они шли домой и, достигнув Саваны и считая себя вне опасности, сделались менее осторожными. Испанцы, ожидавшие только этого, и превосходя несчастных числом, бросились на них. Однако рассеянные, сражающиеся со всеми невыгодами, буканьеры дрались как львы и дорого продали испанцам победу. Число последних одержало, наконец, перевес, но только тогда, когда пал последний буканьер, так что и тут не осталось никого, чтобы принести в Байягу эту печальную весть.

С этих пор буканьеры дышали только местию. Кровь потекла ручьями; они не разбирали ни возраста, ни пола, и ужас их имени стал распространяться более и более. Тогда испанцы решились приняться за крайнюю меру, которая, правда, имела желаемый успех, но была ужасна и пагубна для всего народа их в Америке. Убедясь в невозможности истребить буканьеров и желая удалить их, по крайней мере, из Сан-Доминго, они хотели вырвать зло с корнем и уничтожить их ремесло. Для этого предприняли всеобщую буйволовую охоту на всем острове и продолжали ее с таким жаром, что скоро не осталось ни одного буйвола.

Эта мера одним ударом лишила буканьеров пищи и предмета торговли; промысл их рушился, и они были принуждены избрать новый род жизни. Иные сделались колонистами на Байяге, Тортуге и других мелких островах. Большая же часть, презирая спокойную, подчиненную гражданским законам жизнь и привыкнув к опасностям, – а между ними находились самые дикие и бесчеловечные из всего товарищества, – почитали хлебопашество и домоводство занятиями бесчестными и несоответствующими их величайшей страсти: мстить испанцам. Поэтому соединились они с своими друзьями, флибустьерами, начинавшими уже прославляться, но которых имя сделалось истинно ужасным только после соединения с буканьерами.

Глава 2

ОБРАЗОВАНИЕ МЕТРОПОЛИИ ФЛИБУСТЬЕРОВ

Прежде, нежели приступим к истории флибустьеров, необходимо бросить взгляд на тогдашнее состояние Сан-Доминго⁶, потому что этот остров, еще более Тортуги, был колыбелью, а впоследствии средоточием этих пиратов, и судьбы его тесно связаны с историей флибустьеров.

Этот пространный, прекрасный остров около половины XVII столетия весь находился во власти испанцев, которые тогда еще не умели ценить всех достоинств его и исключительно обращали взоры на те американские владения свои, которые производили золото и серебро. В то время Франция не обладала еще ни клочком земли на этом острове, кроме поселений буканьеров. Владения ее ограничивались маленьким, во всех отношениях незначительным соседним островом Тортугою, который дю-Россе, французский дворянин, вырвал в 1659 году из рук испанцев, овладевших было им. Все средства были здесь крайне незначительны; в главном селении острова находилось в 1665 году не более 250 жителей. Целое образовало колонию, не приносящую никакой пользы Франции и долгое время защищавшуюся против испанцев одними флибустьерами.

Такое положение дел в Западной Индии должно было наконец измениться при беспрестанно возраставшем могуществе Франции. Еще более ускорило эту перемену избрание в 1665 году губернатором Тортуги Ожерона, умного, предприимчивого и достойного мужа, которого должно считать основателем первой французской колонии на Сан-Доминго.

В 1665 году на Сан-Доминго считалось 14 000 испанцев, креолов и мулатов; число негров-невольников было несколько значительнее, но не определено наверное. Сюда присоединялось еще 1200 беглых независимых негров, укрывавшихся в горах, откуда они вимали контрибуцию с колонистов. В городе Сан-Доминго находилось 500 домов; он был окружен стеною и защищался тремя крепостцами, которые по тогдашнему воинскому масштабу были достаточно снабжены артиллерией. Вторым городом острова был Сант-Яго, где жило много купцов и золотых дел мастеров; но этот город был слабо укреплен. Прочие города были очень незначительные местечки, без всяких укреплений, и в них жил народ бедный.

На северном берегу этого большого острова, напротив Тортуги, французы выстроили мало-помалу несколько домов, в которых в 1665 году жило не более ста шестидесяти человек. Это незначительное начало поселения в стране, удаленной от испанских владений, не обращало на себя внимания гордой нации, а потому французы имели время и случай укрепиться здесь. Французская колония уподоблялась молодому дереву, пересаженному на превосходную почву и видимо разрастающемуся, тогда как испанская уподоблялась дереву старому, увядающему, соки которого иссякли. Эта колония испанцев защищалась только собственными, давно ослабевшими силами, тогда как французов подкрепляли преданные им буканьеры и флибустьеры, которых считалось до 3000 на берегах Сан-Доминго и Тортуги. Люди дикие, склонные к совершенной независимости, они называли себя прибрежными братьями и ими можно было управлять только с величайшим благоразумием.

Флибустьеры более всего посещали побережья Куманы, Картахены, Порто-Бельо, Панама, Кубы и Новой Испании, также страны около озер Маракайбо и Никарагуа. Замечательно притом, что флибустьеры обыкновенно не трогали кораблей, идущих из Европы, потому что трудно было сбывать грузный товар их; напротив, дорожили возвращавшимися в

⁶ Сан-Доминго – или Гаити, один из Больших Антильских островов. – *Примеч. ред.*

Европу кораблями, нагруженными золотом, серебром и другими драгоценными, легко сбываемыми товарами.

В таком-то положении находился остров Сан-Доминго, когда прибыл из Франции одаренный всеми потребными качествами губернатор Ожерон; за десять лет перед тем потерпел он кораблекрушение у берегов Сан-Доминго и был принужден прожить некоторое время между буканьерами. Поэтому он знал их, и тем легче было ему теперь, в новом звании своем, приобрести любовь и уважение этих полудикарей и внушить им почтение к законам. Он старался также сколько возможно скрасить вредный доброй славе флибустьеров вид разбойничества, какой принимали их подвиги, извлечь из мужества их пользу для государства и смягчить нравы их. При этом он благоразумно терпел то, чего не мог переменить, не подвергая французских колоний и островов еще большему злу.

При постоянных и обширных грабежах на море и на сухом пути и при огромной добыче на островах скоро не достало покупателей похищенных товаров и продавцов таких предметов, каких требовали флибустьеры за свои испанские доллары. Это обстоятельство послужило одной из важнейших причин к основанию во Франции новой вестиндской торговой компании. Примеру Франции вскоре последовала и Англия.

Во Франции уже прежде существовало такое общество, но оно не имело успеха; теперь же обстоятельства являлись благоприятнее. Французское правительство приняло в отношении к своим островам новую систему: оно уступило все свои антильские населения вестиндской торговой компании. Губернатору предписано объявить об этом поселенцам. Это было не легко, потому что надобно было привести в повиновение людей, которые никогда почти не слыхали о власти двора и до тех пор не чувствовали своей зависимости от него. Ожерон объяснил им сущность этой перемены и объявил о новых распоряжениях относительно торговли. Флибустьеры отвечали свойственным им тоном, «что они не хотят подчиняться никакой торговой компании; королю готовы, пожалуй, повиноваться, но с тем, чтобы он не запрещал им торговать с голландцами, что для них гораздо полезнее покровительства Франции». Ожерон не мог ничего противопоставить этому решительному объявлению и должен был уступить.

Чтобы приучить новых поселенцев к мирной жизни и лишить их хоть части дикости, Ожерон выписал из Франции сто девушек, которые тотчас по прибытии нашли себе мужей. Прельщенные ценностью, какую придавали этому товару, за первыми девушками последовали другие, которых французское торговое общество отправило в колонии и продало для покрытия издержек с молотка. Женщины эти в короткое время произвели большую перемену в нравах и обычаях колонистов; правда, они не сообщали дикарям-мужьям своим прав и обычаев лучшего общества, о которых сами не имели понятия, но зато усвоили им много родственного с европейскою цивилизацией в мнениях, качествах и обращении. Мужья же сообщали им воинственный дух, который они выказывали впоследствии не один раз в самом блестящем свете. Однако, к крайнему ущербу колонии, эти благодетельные переселения прекратились. Довольствовались тем, что нанимали во Франции на три года распутных женщин и отправляли их на острова, чем, однако, не достигли предположенной цели; напротив, распоряжения эти послужили источником больших беспорядков всякого рода, почему и должно было совершенно прекратить их.

Мы говорили уже выше, что французы с некоторого времени построили себе несколько жилищ на северном берегу острова Сан-Доминго. Под руководством Ожерона, эти жилища распространились мало-помалу и превратились в небольшие плантации. Эту часть острова называли «Закоулком» (Cul-de-Sac)⁷, название, сохранившееся доныне, но принадлежащее меньшему пространству. Мудрое, нисколько не притеснительное управление привлекало всех обитателей соседних островов в эту плантацию, где дела приняли бы скоро чрезвычайно выгод-

⁷ Cul-de-Sac – Куль-де-Сак – Центральные плато и низменная впадина острова Гаити. – *Примеч. ред.*

ное для Франции положение, если бы она хоть сколько-нибудь поддержала Ожерона. Но этого-то именно и не доставало. Между тем открылась (в 1667 году) война между Францией и Испанией. Нет сомнения, что все поселения были бы потеряны для Франции, если бы Ожерон не сумел очень удачно употребить в дело флибустьеров, которые с величайшим успехом нападали на военные корабли, на острова и крепости и всюду распространяли ужас между испанцами в Америке.

Ожерон составил план завоевания Сан-Доминго, но французское правительство, все еще не постигая цены этого острова, оставило предложение губернатора без внимания. Однако патриот-губернатор не унывал и пожертвовал на это предприятие всем своим имуществом. Он ежегодно выписывал из Франции на свой счет по триста человек, а так как война с Англией все еще продолжалась, то он намеревался завоевать и Ямайку, и успех этого предприятия не был подвержен почти никакому сомнению. Собранные войска уже были готовы к отплытию; ожидали только пороха – а его-то и не дождались.

Другой план Ожерона не имел лучшего успеха при дворе. Он хотел основать во Флориде колонию, чтобы владычествовать над Багамским проливом и овладеть торговлею испанцев; для этого просил он только доходов с острова Тортуги. Французское правительство не согласилось на это, хотя в то время во главе его стоял знаменитый Кольбер – муж, которому Франция обязана за процветание своих фабрик и мануфактур в XVII столетии и который в этом отношении сделался благотворителем народа. Но в отношении колоний, мореходства и всемирной торговли он не возвышался над понятиями своего века. Великий ум его, как вообще умы всех французов при Людовике XIV, превозносимый до небес современниками, при критическом освещении понижается до обыкновенной степени. Кольбер считал дела островов и колоний предметами слишком ничтожными, чтобы правительство занималось ими серьезно, и едва-едва достойными обратить на себя внимание торговых обществ. Правилom его было, что последние, имея привилегии, сумеют соблюсти свои пользы, из чего само собою возникнут выгоды национальные. Поэтому во Франции смотрели спокойно на то, что англичане селились в той самой части Флориды, которую Ожерон предлагал занять для поселения, и по имени короля Карла II называли ее Каролиною, хотя, по причине двух прежних поселений французов, эта страна долго еще после носила название французской Флориды.

При этом недостатке в подкреплении Ожерон делал все, что было в его силах, и старался размножить по крайней мере на северном и западном берегах Сан-Доминго французские поселения. Вследствие приглашения его, явились сюда опять буканьеры и занялись прежним ремеслом своим. Они же послужили защитниками этой части острова.

В 1670 году вспыхнуло здесь формальное возмущение, произведенное притеснениями торгового общества. Так как кроткие меры Ожерона не подействовали, то он был принужден приняться за более сильные. Но это привело только к тому, что он лишился любви колонистов. На помощь ему прибыли военные корабли, но и те после нескольких сражений должны были удалиться, не усмирив бунтовщиков. Наконец, возмущение утихло само собою, когда колонисты увидели, что в продолжение его не приходили купеческие корабли, и разочли, что дальнейшая вражда с Францией причинит им еще другие убытки. Условиями покорности, на которые охотно согласился беспомощный губернатор, были: всеобщее прощение и позволение, чтобы все французские корабли свободно торговали на берегах Сан-Доминго и Тортуги, внося за это в пользу компании пять процентов. Только небольшая толпа под начальством француза Лимузена не хотела покориться. Ожерон в сопровождении духовника и палача сам отправился к Лимузену, нашел его спящим в хижине и тотчас повесил. Эта решительная мера совершенно прекратила возмущение, тем более, что врагам покоя представились другие занятия, ибо когда в 1672 году возгорелась война между Францией и Голландией, обещавшая богатую добычу, то многие поселенцы присоединились к флибустьерам. Вскоре потом началась война и с Испанией, и Ожерон был уверен, что при малейшей помощи правительства он овладеет всем остро-

вом Сан-Доминго. Для этого он сам отправился в Европу, но в Париж приехал уже больной и скоро умер. При всех средствах к обогащению, он остался бедным и не оставил своим наследникам ничего, кроме справедливейшего требования: возвращения правительством собственных денег, им издержанных, которых, однако же, они никогда не получили.

Непосредственные преемники Ожерона в звании губернатора, Пуанси и Кюсси, во многом одобряли его распоряжения и оставались верными его системе: обходиться осторожно с флибустьерами и употреблять их на пользу Франции. Многие подвиги их, может быть, большее число, подкреплялись и поддерживались одобрением губернаторов: флибустьеры были уверены, что в случае несчастья найдут верные убежища.

Еще до насильственного соединения буканьеров с флибустьерами, о причинах которого мы говорили в первой главе, люди эти, связуемые взаимными нуждами, считали себя друзьями, а как и те и другие были заклятыми врагами испанцев – союзниками. Нужда в самом начале образовала этот союз; так как многие необходимые для их ремесла предметы привозились извне, то это причиняло множество неудобств. Этому недостатку пособили тем, что те буканьеры, которые не очень любили охоту, принялись за мореходство и сами стали ездить за своими потребностями. Сначала торговля производилась меною, но так как часто не доставало предметов для мены, а подчас они не находили сбыта, то торговцы нередко позволяли себе насилие. Это очень естественно повело к морскому разбою, который флибустьеры вели сначала в малом виде, но впоследствии они расширили его пределы и сделали его, так сказать, систематическим.

Поэтому береговых братьев, живших в величайшем согласии, можно было разделять на три разряда. К первому принадлежали буканьеры-охотники; ко второму, довольно малочисленному, так называемые жители (*habitants*); они занимались земледелием, а флибустьеры, третий разряд, занимались морскими разбоями.

Такой промысел имел много привлекательного для всякой сволочи, которою были набиты Антильские острова. К флибустьерам присоединилось множество матросов с купеческих и военных кораблей, бедных колонистов и других авантюристов разных наций. Мало-помалу флибустьеры образовали смешанную, соединяемую только жадой к добыче массу из французов, англичан, голландцев, португальцев и других европейских народов. Одним только всем ненавистным испанцам, сокровища которых были настоящею и единственною целью хищников, отказано было в чести вступить в число членов этого вооруженного братства. И в самом деле, нельзя было даже подумать о таком союзе с испанцами, потому что флибустьеры с самого начала до уничтожения своего товарищества считали их смертельными врагами своими.

Впрочем, исчисленные выше подразделения флибустьеров образовались уже на островах Тортуге и Сан-Доминго; первоначально же они жили на французском острове Св. Христофора, откуда, покровительствуемые губернатором, выезжали на маленьких судах и производили незначительные морские разбои. В таком положении они еще не могли хвалиться самостоятельностью. Но вскоре потом обратили они свои взоры на Тортугу и отняли этот остров, чрезвычайно удобный для их предприятий, у испанцев, и, надеясь удержаться на нем, сделали его своим главным местом пребывания. Эта перемена жительства была основою знаменитости флибустьеров и подала им повод ко всем последующим подвигам. Главнейшею причиною избрания этого острова служила легкость его завоевания, соединенного с большими выгодами: весь северный берег острова был недоступен не только кораблям, но даже лодкам, и только на южном берегу находилась одна гавань, или, правильнее, безопасная рейда, вход в которую не трудно было защищать.

Испанцы, столь богатые в Америке землями на материке и на островах, не обращали никакого внимания на маленький остров Тортугу, находящийся недалеко от Сан-Доминго. Поэтому весь гарнизон его состоял из двадцати пяти человек, которых прогнали без затруднения. Флибустьеры заняли Тортугу в 1632 году; испанцы, в которых снова ожило мужество

по прибытии их вест-индского флота, не хотели терпеть этого насилия. Чтобы возвратить остров и отомстить за неприятельские действия, выбрали они такое время, когда буканьеры были заняты охотой, а флибустьеры наездами. Испанцы пристали к острову и убили всех жителей, которых встретили. Начальник испанского отряда приказал повесить многих; прочим удалось скрыться ночью на челноках в открытом море.

Беглецы, дождавшись отъезда флота в Европу, без большого труда завладели снова островом; между тем, флибустьеры убедились, что Тортуга, находясь так близко от большого испанского владения, беспрестанно будет подвержена нападениям неприятеля, особенно во время их отлучек, и его нельзя будет удерживать без покровительства какой-нибудь европейской державы. Поэтому они упросили французского губернатора острова Св. Христофора, кавалера Пуанси, занять остров, что и было исполнено по его поручению офицером по имени Левассер. Французы тотчас воздвигли у морского берега, на скале, крепость, и тогда со всех сторон начали стекаться туда буканьеры, уверенные в покровительстве преданного им губернатора. Испанцы, хотя слишком поздно, сделали смелую попытку прогнать опять французов; но новые владельцы острова бросились в неприступную крепость и, поддерживаемые буканьерами, отразили испанцев с большим уроном. Вскоре потом Левассер был убит двумя французскими офицерами, им усыновленными. Убийцы решились овладеть островом, но Фонтене, присланный с двумя военными кораблями с острова Св. Христофора, предупредил их, формально принял начальство и вел себя похвально. Между ним и беспрестанно усиливавшимися флибустьерами царствовало совершенное согласие.

Обезопасив себе ретираду, пираты стали беспрестанно разъезжать около острова Сан-Доминго, с которого не смел уже отправляться ни один корабль: его тотчас брали на abordаж, отводили на остров Тортугу и передавали товарищам, а взявшие его на другой же день отправлялись на новые подвиги. Испанцам невозможно было терпеливо переносить такие поступки. Они собрали значительное войско, высадили его на остров Тортугу, отыскиали в скале дорогу к возвышенности, господствовавшей над крепостью, и принудили ее к сдаче. Буканьеры рассеялись, но скоро возвратились с своими товарищами-моряками, ночью вышли на берег, напали врасплох на крепость и снова овладели островом.

Не отступая от однажды принятого плана находиться под покровительством европейской державы, провозгласили они губернатором французского дворянина дю-Россе, которого французское правительство и утвердило в этом звании.

Таким образом, товарищество это, основание которого можно отнести ко времени Пиренейского мира в 1659 году, продолжало свое ремесло: грабило среди всеобщего мира то под французским, то под английским флагом, смотря по обстоятельствам и удобству. На громкие жалобы, приносимые в Париж и Лондон испанцами на такое нарушение мирных трактатов, всегда отвечали, «что французские и английские морские разбойники не производят своих хищений как подданные королей и правительств; следовательно, предоставляется испанцам поступать с ними как заблагорассудят; что им не давали каперских патентов, и губернаторам островов строжайше предписано ни в чем не помогать этим пиратам». Чтобы еще лучше прикрыть этот политический фарс, время от времени отзывали губернаторов, которых испанцы обвиняли в покровительстве флибустьерам, и на место их отправляли других, которые не только подражали своим предшественникам, но часто шли еще далее.

Добыв однажды каперские патенты, флибустьеры придавали им самое обширное значение, не обращали уже никакого внимания на мирные договоры, заключенные в Европе, и показывали вид, что и не слыхали о них. Каперские патенты, однажды полученные ими, трудно было уже отнять, и они придавали хищничествам их вид законности; разными проделками протягивали они сроки на право морского разбоя, означенные в патентах, до новой войны, освящавшей прошедшие и будущие поступки.

Особенно французскому правительству, находившемуся в непрерывных явных и тайных раздорах с Испанией, было очень выгодно иметь в отдаленной части света мужественные отряды, не только ничего не стоившие ему, но еще приносившие ему большие выгоды; пираты согласились на требование адмиралтейства: отдавать губернатору Тортуги или Сан-Доминго десятую часть своей добычи. Чтоб увеличить эту десятину и придать покровительству своему вид законности, французское правительство доставило пиратам каперские патенты от Португалии, воевавшей тогда с Испанией. Остров Тортуга принял вполне вид колонии. На нем поселилось множество выходцев из Франции; охота за кабанами и буйволами прекратилась и здесь, как на Сан-Доминго, а вместе с тем исчезли остальные буканьеры, которые по большей части соединились со своими товарищами флибустьерами и принялись также за морские разбои.

Поощряемые надеждой на большую добычу, веселую жизнь, и покровительствуемые правительствами, отряды флибустьеров приняли вид законного войска, и подвиги их были поставляемы в одну категорию с правильными военными действиями. Многие плантаторы бросали свои занятия, заводили небольшие суда и, желая обогатиться морскими разбоями, соединялись с флибустьерами. Но как не легко было приобретать такие суда, то они садились на утлые лодки и пускались в море, чтобы встретить неприятельские корабли. При этих первоначальных попытках они следовали почти всегда одному плану: подстерегали испанцев у мыса Альварес, куда те обыкновенно привозили на небольших кораблях предметы торговли для Гаваны. Нападения были всегда удачны; отняв множество этих богато нагруженных судов, отводили их к Тортуге, где продавали весь груз европейским корабельщикам. Это поставило их наконец в возможность запастись всеми потребностями и пуститься на обширнейшие действия.

Таковы были обыкновенные успехи береговых братьев. Променяя свои лодки на корабли, они посещали берега Мексики и брали множество больших и малых судов; это было тем легче, что в этих морях не ждали никаких неприятелей. Между прочим овладели они двумя большими испанскими кораблями, назначенными в Каракас и нагруженными серебром. Призы были отвезены на остров Тортугу и этот успех электрически подействовал на всех плантаторов; теперь уже все решительно хотели участвовать в таком выгодном ремесле. Вскоре собралось до двадцати больших разбойничьих судов.

Тортуга сделалась метрополией флибустьеров. Они были уверены, что найдут здесь не только защиту, но и удовлетворение потребностям всякого рода, даже увеселения, приличные их грубой жизни. Пирсы, игры, музыка, пляски и женщины были единственным занятием их по возвращении из наездов. Главною приманкою при этом были непотребные женщины, которые, привлекаемые надеждой на добычу, стекались со всех сторон и составляли пеструю толпу, в которой находились образчики женщин всех народов света.

Наконец, однако, французское правительство изъявило свое неудовольствие на постоянное, мало ограниченное покровительство, оказываемое флибустьерам. Оно полагало, что издали видит вещи правильнее местных правителей. В 1684 году отправило оно двух комиссаров, кавалеров Сен-Лорана и Бегона на Сан-Доминго, для искоренения всех злоупотреблений. Люди эти были убеждены в необходимости безусловной покорности флибустьеров, которых считалось тогда слишком 3000 человек. Они удивились, зачем флибустьеров не принуждают при отправлении на грабежи и возвращении с них объявлять формально о значительности отряда, о числе убитых, о количестве добычи и т. д., зачем им позволяют иметь сношения с англичанами, зачем предоставляют им собственный суд и расправу и много других преимуществ власти, наконец, отчего предоставляют их доброй воле вносить или не вносить десятину добычи в пользу казны.

Между тем своевольное исполнение этих требований и составляло сущность республики пиратов, с которыми при бессилии Франции должно было обходиться с крайней осторожностью. Это скоро растолковали комиссарам, и они вполне убедились, что флибустьеры, большею частью французы, хотя и признают владычество Франции, но исполнены глубоко укоренив-

шимся сознанием своей независимости, при малейшем принуждении перейдут к англичанам, а потому сами сделались ходатаями за флибустьеров.

Но гордого Людовика XIV и его министров не легко было убедить в этом. Кабинетный министр, маркиз де-Сеньеле, писал комиссарам, «что они ложно судят о флибустьерах; что отнюдь не следует уничтожать морской торговли испанцев, потому что она приносит другим нациям более пользы, чем самой Испании; что Франция извлекает из нее большую пользу, и потому особенно должно стараться отвлечь флибустьеров от морских набегов и обратить в мирных земледельцев».

Эти выражения были политически верны и хорошо обдуманы, но невозможны в исполнении. Губернатор Кюсси, приобретший уважение пиратов мужеством, добродетелями и бескорыстием и вообще бывший достойным наследником Ожерона, попытался, однако же, исполнить желание двора. Но предложение его о мирной жизни вывело из себя флибустьеров, привыкших к дикой, роскошной жизни, и с этой минуты он лишился всей их доверенности – они сделались врагами его. Несмотря на то, Кюсси еще не отказывался от попытки удовлетворить по возможности требованиям двора, но следствием этого было то, что колония лишилась половины своей страшной милиции, и произошел раздел, приведший в 1684 году знаменитый, можно сказать, бессмертный поход флибустьеров в Южный океан.

Глава 3

ОБРАЗ ЖИЗНИ, НРАВЫ, ОБЫЧАИ И ЗАКОНЫ ФЛИБУСТЬЕРОВ

Прежде, чем приступим к описанию подвигов флибустьеров, представим краткий очерк их нравов, образа жизни, правил и законов общества. Последние состояли, впрочем, из условий, заключенных только на определенный срок, часто на одну какую-нибудь экспедицию, и хотя начальники иногда нарушали их, но подчиненные всегда исполняли их безусловно, как непреложный закон.

В отношении к человеческому достоинству, флибустьеры имели высокое понятие о своей независимости, и каждый делал, что хотел, не спрашивая приятно ли это его товарищу. В пример тому можно привести поступки их на мелких, открытых судах, где одни пели, кричали и шумели, когда другие хотели спать и не смели даже сердиться за это. Такие неудобства, испытывавшие терпение, поощрявшие мужество и приучавшие их к лишениям, должно было сносить без ропота: этого требовал закон, так же, как и большую честность друг против друга. Если кто-нибудь нарушал ее, обокрав, например, своего товарища, то его ожидало ужасное наказание: его формально лишали звания и достоинства флибустьера, без съестных припасов, нагого высаживали на пустынный остров, где он почти всегда умирал ужасною голодною смертию. Терпение их было непостижимо. Они сносили голод и жажду, недостатки и величайшие труды с равнодушием, возбуждавшим удивление; никакое лишение не было в состоянии возбудить в них ропот.

Название флибустьеров, происходившее от английского слова free Booter (пираты), искаженное впоследствии французами и превращенное в слово флибустьеры, слишком напоминая хищническое ремесло, было ими не слишком принято. Они предпочитали коренное название: буканьеры, но еще охотнее называли себя береговыми братьями (*freres de la cote*).

Решения этих людей были скоры и почти всегда неизменны. Дав слово однажды, никто не мог взять его назад, и согласие, данное на предложение участвовать в предполагаемом предприятии, считалось ненарушимым. Уже впоследствии раздумывали, впрочем, не об успехе, но о лучших средствах к удачному исполнению.

Первоначально у флибустьеров были только бедно вооруженные беспалубные суда, барки и каноты, даже простые рыбацьи лодки, в которых, наваленные друг на друга, они едва имели место, где лечь ночью, и, кроме опасности на открытом море, подвергались всем непогодам и почти всегда терпели недостаток в съестных припасах. Но это-то бедственное состояние именно и побуждало их приложить все силы к улучшению своего положения взятием больших кораблей. Разъезжая на своих утлых челноках и мучимые голодом, они, завидев корабль, не обращали внимания ни на число пушек, ни на экипаж и вообще не рассчитывали величины опасности. Они хотели и должны были победить – и всегда побеждали, и притом не иначе, как посредством абордажа. С быстротою молнии бросались они со всех сторон на не приготовленные к битве корабли, которые, видя приближение небольшой лодки, даже не подозревали опасности. Вступив раз на палубу, они уже не отступали, и корабль непременно становился их добычею. Удачными движениями умели избегать опасности быть утопленными выстрелами из неприятельских пушек; они никогда не выставляли боков своих лодок, а подъезжали носом, искуснейшие стрелки метили в это время в канониров и смертию их всегда причиняли беспорядок на палубе. Уверенность, что имеют дело с флибустьерами, следовательно, с людьми непобедимыми, которые решились победить непременно, ослабляла все приготовления к защите. Обыкновенно помышляли только о том, как бы безусловной покорностью заслужить милосер-

дые пиратов, которые, озлобленные упорным сопротивлением, делали короткую расправу – бросали всех в море.

Несмотря на все эти жестокости и на то, что вся жизнь флибустьеров была не что иное, как непрерывная цепь преступлений и пороков, эти злодеи, подобно итальянским бандитам, соблюдали наружные религиозные формы. Перед битвой они молились усердно, ударяли себя в грудь сжатыми кулаками, примирались друг с другом и обнимались в знак братского согласия.

Буканьеры, жившие в лесу и менее пристрастные к грабежам, были немногим лучше флибустьеров; притом же последние имели несколько лишних религиозных понятий и иногда пристращались даже к церковным обрядам, тогда как первые, хотя менее порочные, почти вовсе не заботились об уставах и предписаниях церковных. После соединения тех и других это различие совершенно исчезло. Все современные писатели, люди, жившие между ними, даже участвовавшие в их грабежах и разбоях, говорят согласно, что они в злобе превосходили самых жестоких дикарей Америки, и за исключением того, что не ели человеческого мяса, ни в чем не отличались от каннибалов. Впрочем, такое изображение преувеличено, как увидим впоследствии.

Грабежи и хищничества были так выгодны и сообразны с дикими нравами этих людей, что они не могли не предаваться им страстно. Впрочем, они знали, что, не скрепив своих взаимных отношений условиями, не могут надеяться на верную добычу и на разгульную жизнь. Следствием этого было уложение, которое, при вступлении в общество, каждый член клятвенно обязывался исполнять, подписываясь за незнанием грамоте крестом. Уложение это составляло небольшое собрание законов, которое с незначительными отступлениями было принято всеми отдельными отрядами флибустьеров и даже в начале XVIII столетия, после совершенного прекращения общества их, сохранялось отдельными морскими разбойниками, после войны за испанское наследство грабившими на морях в отдаленных частях света.

Некоторые статьи этого уложения весьма замечательны и стоят быть приведенным здесь. Во главе их стоял закон о равенстве и сопряженных с ним правах, которые заключались в следующем: каждый береговой брат в важных случаях мог подавать свой голос, имел равное со всеми право на захваченные свежие съестные припасы и крепкие напитки и мог распоряжаться ими по своему усмотрению, разве недостаток в них принуждал к известному ограничению, поставленному большинством голосов.

Для избежания ревности и ссор на кораблях не позволялось держать ни женщин, ни мальчиков. Тот, кто осмеливался привезти на корабль переодетую девушку, предавался смерти. То же наказание было определено за бегство с корабля и за оставление своего места в сражении.

Воровство наказывалось не менее строго, как уже замечено выше; иные отряды увеличивали, другие уменьшали степень наказания за него. Французы оказывались особенно строгими. Обворовавшему товарища вырывали ноздри и уши и потом высаживали на твердую землю в таком месте, где ему нельзя было ожидать хорошей участи. Если же кто-нибудь коснулся имущества общественного и цена украденного составляла пиастр, то его «маронировали», т. е. высаживали на берег необитаемого мыса или острова, дав ему ружье, немного свинца, бутылку пороха и бутылку воды.

В случае сомнения обвиняемые присягали на библии или распятии, смотря по своему вероисповеданию. Меньшие преступления наказывались телесно. Часто, смотря по обстоятельствам, составляли отдельные, частные законы. Так, в иное время насилие, пьянство, неповиновение предводителю, самовольная отлучка от поста наказывались, вдали от неприятеля, лишением участия в добыче, вблизи его – смертью.

Дуэли на кораблях также были запрещены. В случае ссор разделка за них откладывалась до прибытия в гавань: тогда противники, съехав на берег, разделялись в присутствии одного из офицеров на пистолетах и саблях. Сперва стреляли из пистолетов и в случае промаха рубились саблями; первая рана показывала виновного и оканчивала дуэль.

Каждый был обязан содержать в лучшем состоянии ружье, пистолеты и саблю. Эта обязанность скоро превратилась в роскошь. Флибустьеры старались перещеголять друг друга красотой и богатством оружия и часто за пару пистолетов платили двести и триста пиастров серебром.

Огонь, по закону, должно было тушить на кораблях в 8 часов. Другой закон запрещал играть в кости или карты на деньги; но эти постановления соблюдались очень редко, и часто начальники первые нарушали их.

В отношении раздела добычи каждый отряд устанавливал свои особенные законы. Каждый флибустьер письменно условливался со своим начальником повиноваться ему, лишаясь, в случае непослушания, своей части добычи, и должен был формально присягнуть в том. Вообще, они не скупились на клятвы: каждый начальник по окончании экспедиции присягал, что не скрыл ни малейшей части из добычи. То же самое делали и все прочие. Начальнику, который обыкновенно давал свои деньги на сооружение экспедиции и получал их обратно из добычи, также всем чиновникам, хирургу, корабельным мастерам и проч. назначалось определенное жалованье; изувеченному, кроме законной части в добыче, давали еще: за потерю правой руки 600 испанских талеров, или 6 невольников; за потерю левой руки или правой ноги 500 испанских талеров или 5 невольников, за потерю левой ноги 400, а за потерю глаза или пальца 100 талеров или одного невольника. Все эти вознаграждения так же, как и другие расходы, например на сооружение экспедиции, выплачивались прежде раздела добычи. Капитан получал 6 долей, другие корабельные офицеры 3, иные только две, а нижние чины одну долю.

При таком правильном разделе добычи назначались и особые награды за разные отличия. Тот, кому удавалось сорвать неприятельский флаг и на месте его водрузить английский или французский, единственные, под которыми плавали флибустьеры, смотря по обстоятельствам, кроме следовавшей ему доли, получал пятьдесят пиастров.

За привод пленника в критическом положении, когда не имели сведений о силах и намерениях неприятеля, давали сто пиастров.

За каждую гранату, брошенную во время приступа за вал и стену, платили пять пиастров и т. д.

Все флибустьеры обязывались самыми страшными клятвами не скрывать ничего из добычи, что превзошло бы ценность пяти пиастров. Тот, кто нарушал эту клятву, немедленно исключался из общества.

При выступлении в поход каждый участвующий в нем должен был являться по первому зову и принести с собой известное количество пороха и свинца.

Провиант составляли свинина и соленые черепахи; но и за них даже на острове, который защищал их, флибустьеры часто не хотели платить, а рассыпались ночью, окружали свинные хлевы и требовали от хозяина определенного числа голов, рассчитанного по известному им заранее числу свиней. За отказ или малейший шум мстили убийством. Преступления эти, от страха перед убийцами, редко обнаруживались, а если и обнаруживались, то оставались ненаказанными.

Перед выступлением в поход флибустьеры обыкновенно составляли духовные завещания. У них был обычай избирать себе товарища и делить с ним имущество и добычу, а после смерти оставлять ему все. Те же, у которых были жена и дети, уделяли товарищу только известную часть имущества; остальное доставалось семейству.

Все молодые и красивые женщины, невзирая на положение их в обществе и на супружеские связи, почитались доброй добычей, причем одно самоубийство могло спасти несчастных от скотских прихотей пиратов. Исключения, когда пощадили бы невинность и приличие, весьма редки. Если красивая девушка попадала в руки целой шайке, то бросали жребий. Выигравший имел право взять ее с собою и обходиться как с женою, что, однако, не лишало и других

права пользоваться своею очередью, и это обыкновенно обходилось без ссоры и драки. Этот род своячества называли они так же, как буканьеры, матросством (matelotage).

Флибустьеры не знали, как бы наискорейшим образом прогулять свою добычу и потому, возвратясь из похода, предавались разным излишествам: надевали роскошные платья, дорогие материи и быстро опорожняли магазины на островах Тортуге и Ямайке. На пиршествах своих они разбивали вдребезги все попадавшееся под руки: бутылки, стаканы, сосуды и мебель всех родов. Если их упрекали в том, что так безумно тратят добытое кровью и трудами богатство, они отвечали: «Судьба наша, при непрерывных опасностях, не походит на судьбу других людей. Сегодня мы живы – завтра убиты; так к чему же скряжничать? Мы считаем жизнь свою часами, проведенными весело, и никогда не помышляем о будущих неверных днях. Вся наша забота о том, чтобы поскорее прожить жизнь, доставшуюся нам без нашей воли, а не думать о продолжении ее».

Разумеется, что при таких правилах пиршества этих людей не имели ни меры, ни границ, и они во всем доходили до крайности. Особенно же отличались в пьянстве. Часто небольшое общество покупало бочку вина и располагалось вокруг нее. Втулку сбивали и бросали. Это был знак к пиру. Всякий подходил со своим сосудом, а если не имел его, то просто ложился под кран и цедил вино в рот; таким образом один сменял другого, пока бочка не была осушена.

Главною пищею их на сухом пути было черепашее мясо, которое вкусно, питательно и здорово; флибустьеры думали, что оно изгоняет все дурные соки, накопившиеся в них от излишеств, и полезно, как лекарство, во всех болезнях без исключения. И действительно, это мясо всегда излечивало самые застарелые сифилитические болезни.

Особенно замечательна одна черта этих разбойников; правда, она заключалась в духе того времени, но все-таки необыкновенна у этих извергов: они молились усердно и никогда не садились за стол без молитвы. Так же точно молились они всегда перед началом битвы, прося у Бога победы и хорошей добычи.

К зависти народов к американским владениям испанцев, изобиловавшим золотом и серебром, присоединялось всеобщее отвращение к бесчеловечным поступкам их в этой части света, еще не забытым в Европе, к ужасам, которые учение реформаторов выставляло в свете еще более отвратительном. К этому присоединялась их несносная гордость, память об опустошительных войнах и особенно об ужасах, совершенных в Нидерландах под покровом религии. Это нерасположение к ним перешло мало-помалу в ненависть у всех почти европейских народов, и поэтому-то много людей не только молодых, но и средних лет, побуждаемые ни развратом, ни бедностью или страстью к грабежу, а одною ненавистью к испанцам, соединялись с флибустьерами, чтобы вместе с ними сражаться против этой нации.

Это случилось, между прочим, с одним молодым дворянином из Лангедока, Монбаром, который, будучи еще в школе и читая о варварских поступках испанцев в Америке, воспламенился до того, что поклялся им непримиримою ненавистью. Его занимала одна мысль: достигнув совершеннолетия, сделаться мстителем миллионов зарезанных индейцев, и едва вышел он из-под опеки, как употребил все свое достояние на сооружение корабля, с которым присоединился к флибустьерам и скоро отличился между ними на море и на сухом пути, как один из самых смелых и искусных предводителей. Грабежи и распутства не прельщали его, цель его была одна – месть; безоружных щадил он, но ни одному вооруженному испанцу не даровал жизни. Такие действия доставили ему прозвание Истребителя.

Многие флибустьеры держались тех же правил, и они вообще не соглашались, чтобы страсть к грабежу была главною пружиною их непрерывной вражды к испанцам. Они основывали право войны на любострастии и жадности этого народа, не позволявшего им заниматься рыбною ловлею и охотою на берегах Америки и на островах, несмотря на их огромное протяжение, и утверждали, что одно это обстоятельство, независимо от многих других, уже достаточно оправдывает их вражду. Предлог этот как нельзя лучше прикрывал жадность флибу-

стьеров, которых, кроме того, как мы уже заметили, поддерживала более или менее то та, то другая нация.

Глава 4

НАЧАЛО МОРСКОГО РАЗБОЯ

Флибустьеры, называвшие себя «береговыми братьями», вначале составляли маловажное общество, почему на них и не обращали никакого внимания. У них не было ни кораблей, ни судов, ни даже порядочных лодок, ни пороха и пуль, ни лоцманов, ни съестных припасов; притом они не имели почти никаких сведений в мореходстве и были, наконец, без денег. Но решительность и неограниченная дерзость, возраставшие с удачами, заменяли им все. Они начали собираться маленькими обществами, которые, по примеру буканьеров, назывались матросствами; обыкновенно собирались 25 или 30 человек, доставали какую-нибудь открытую лодку, помещались в ней как могли и отправлялись на хищничества. Сперва охотились они за рыбацкими лодками и другими мелкими судами; потом, сделавшись смелее от удач, начали нападать на корабли всякой величины, не разбирая, были ли то корабли купеческие или военные.

Продолжительному существованию этой республики особенно благоприятствовало бесчисленное множество естественных гаваней и частью необитаемых островов, снабженных съестными припасами: рыбою, черепахами, морскими птицами и хорошою водою, которых положение было как нельзя лучше приспособлено к укрытию небольших судов, и к которым без величайшей опасности не могли подходить большие торговые суда, а еще менее военные корабли.

Настоящим началом систематических разбоев флибустьеров должно считать 1660 год; они продолжались, в разных видах, до конца XVIII столетия, и если считать менее значительные разбои пиратов, подложно присваивавших себе для лучшего успеха название флибустьеров, то можно полагать существование их общества до начала XVIII столетия.

Первые флибустьеры были обыкновенными морскими разбойниками; они и не подозревали, что их товарищи и последователи дойдут скоро до того, что явно противостоянут могущественной тогда Испании и сделаются ужасом всей испанской Америки. Поэтому они покинули вестиндские моря, бывшие до того сценою небольших наездов, и стали предпринимать дальнейшие путешествия. Таким образом, проезжали они на больших судах мимо островов Азорских и Зеленого Мыса в Гинею и оттуда в Бразилию, иные доходили даже до Остиндии. Если поездка удавалась, то они возвращались через Мадагаскар, на который выходили, чтобы прогулять свою добычу. Но только весьма немногим удавалось увидеть снова свое отечество, Европу или Вестиндию. Преемники их приняли лучшую систему. Главным театром подвигов их оставалась Вестиндия, пока они находили защиту на тамошних островах. Местом их пребывания или укрывательства были острова Св. Христофора, потом Тортуга, Сан-Доминго и Ямайка, а театром хищничеств – вестиндские моря.

Тортугу особенно предпочитали они всем прочим островам. Плантаторы на этом острове, принадлежавшем тогда уже Франции, по причине недальновидной политики ее двора, не находили защиты у своего правительства, которое, напротив, еще затрудняло их торговлю и промыслы. Все это породило в них ту страсть к хищничеству, которая впоследствии образовала недурно обдуманную систему, целью которой было – добывать силою нужное пропитание.

Француз из Дьеппа, в Нормандии, Пьер Легран, подал первый пример к морским разбоям блистательным подвигом, возбудившим соревнование. Он сел на каперское судно, имевшее только 28 человек, и у мыса Тибуруна, на западной стороне Испаньолы, встретил большой испанский корабль, вооруженный пушками, на котором находилось более двухсот человек. Корабль этот принадлежал к купеческому флоту, отправлявшемуся в Европу; отстав от прочих, он шел однако без опасения. Флибустьеры поклялись своему начальнику взять корабль или погибнуть – и немедленно напали на него. Смеркалось, когда они бросились на abordаж,

вооруженные только пистолетами и саблями. Верные клятве, они прорубили дно лодки, на которой приехали, и она почти под ногами их была поглощена волнами. Пираты убили всех сопротивлявшихся, напали врасплох на офицеров, которые в полной беспечности играли в карты, и в самое короткое время овладели кораблем. Удивленные испанцы смотрели на пиратов, как на демонов, упавших с облаков, потому что кругом не видно было никакого судна, крестились и говорили друг другу: «*Son demonios estos*» (это демоны). Они не думали защищаться и покорились флибустьерам.

Пьер Легран приобрел огромную добычу, которая, при малом числе пиратов, вдруг обогатила их всех. Он не хотел лишиться столь легко приобретенных сокровищ, и потому, оставив столько испанских моряков, сколько понадобилось для управления кораблем, прочих высадил на берег и отправился прямо во Францию. Он никогда уже не возвращался в Вестиндию, где между тем подвиг его имел сильное влияние на прочих пиратов.

Почти на все испанские корабли, появлявшиеся в этих морях, нападали и – что равнозначительно тому – брали их, несмотря на то, велики ли были они или малы, с пушками или без пушек, одни или с конвоем. Мелкие суда флибустьеров вскоре исчезли, и на месте их появились большие корабли, на которых они отправлялись на новые, блистательнейшие подвиги.

Наконец, испанцев встревожили непрерывные успехи флибустьеров, которые грозили уничтожением всему мореплаванию в вестиндских морях. Они снарядили два большие военные корабля для защиты своих берегов и крейсирования против пиратов. Но те были слишком ловки и смелы, чтоб испугаться таких мер; напротив, они послужили к большему развитию деятельности и сил этих отчаянных смельчаков, и к соединению большого числа пиратов под флагом флибустьеров. Мы говорили уже выше, что не одни французы охотились за испанскими кораблями, но и англичане, голландцы, португальцы, между которыми многие отличились своими подвигами, как увидим впоследствии. Большие выгоды от торговли с пиратами, не высоко ценившими добычу не денежную, умножали число рынков и ускоряли сбыт добычи. Остров Ямайка сделался притоном пиратов, число которых возросло наконец до того, что испанцы, несмотря на свои военные корабли, были принуждены прекратить на время свое мореплавание. Этим надеялись они лишить пиратов средств пропитания и отклонить от ремесла уже более невыгодного, но они очень ошиблись. Утомясь напрасным ожиданием кораблей, флибустьеры стали соединяться в отряды, замышлять самые дерзкие предприятия и составлять планы для правильных высадок.

Англичанин Левис Скотт был первый, кто исполнил план, о котором испанцам даже не приснилось: он неожиданно вторгнулся в Сан-Франческо де-Кампеш, ограбил его, наложил на жителей еще огромную контрибуцию для спасения города от сожжения и наконец спокойно удалился восвояси.

Джон Девис с Ямайки, начальник разбойничьего судна, с 90 человеками последовал этому примеру и свершил предприятие, замечательное по безумной дерзости замысла. Он вышел на берег у Никарагуи, оставил на корабле только десять человек и ночью, рассадив 80 флибустьеров на три лодки, поехал вверх по реке, ведущей к городу Гранаде. Они наткнулись на часового, заговорили с ним по-испански и, выдав себя за рыбаков, вышли спокойно на берег, убили беспечно смотревшего на них часового, никем не замеченные ворвались в середину Никарагуи, рассеялись быстро во все стороны и разграбили дома и церкви. Ужасный крик, раздавшийся вдруг со всех сторон, встревожил жителей, они собрались для отпора. Флибустьеры видели очень хорошо, что при своей малочисленности не могут оставаться долго. Притом же они не добивались чести попытать счастья в слишком неравной битве, а хлопотали только о том, как бы обезопасить свою добычу. Поэтому они поспешили добраться до своих лодок, взяв с собою несколько пленных, чтоб в случае неудачи употребить их как залог своей безопасности. Счастливо добравшись до берега, они отпустили пленных и отчалили в ту самую минуту, когда несколько сот вооруженных испанцев прибыли для нападения на них.

Флибустьеры, добыча которых серебром и драгоценными камнями составляла около 40 000 пиастров, вскоре приехали с нею на Ямайку, где тотчас собрался разбойничий флот из восьми кораблей, начальство над которым было вверено Декису. Он отправился к Кубе, чтоб подстеречь новоиспанский флот, но это не удалось. Чобы хоть сколько-нибудь вознаградить товарищей, он высадился в Флориде и разграбил город Сент-Августин, несмотря на защищавшую его крепостцу, в которой находилось 200 испанцев, но последние даже не пошевелились. Девис отличился еще другими подвигами, высадился в Гранаде и дошел до Южного океана, но наконец, по недостатку в съестных припасах, должен был возвратиться.

Другой начальник флибустьеров, французский дворянин Александр (фамилия его неизвестна), прозванный за свою необыкновенную силу Железной Рукой, отличался чрезвычайным умом и смелостью. Он принял за правило производить набеги только на одном корабле. Корабль этот назывался «Фениксом», и экипаж его состоял из самых решительных и отчаянных людей. Во время одного набега разразилась ужасная буря с громом и молнией. Ветер разорвал паруса, сломал мачты, и наконец молния зажгла пороховую камеру и взорвала часть корабля со всеми находившимися в ней флибустьерами. Другая часть корабля уцелела, но все остальные флибустьеры от ужасного сотрясения полетели в воду. Земля была недалеко и часть их, числом 40 человек, спаслись; между ними находился и Александр Железная Рука.

Земля, на которую их выкинуло, был остров недалеко от Бокадель-Драко, обитаемый индейцами, тогда еще непокоренными и страшными своею дикостью. Флибустьеры не удалялись от берега, надеясь увидеть какой-нибудь корабль и подобрать что-нибудь из обломков собственного. Положение их было ужасно: они во всем терпели недостаток и при этом должны были выдерживать беспрестанные нападения диких. Однажды напала на них большая толпа, но флибустьеры приготовились принять ее, убили многих и взяли некоторых в плен. Александр отпустил их, но прежде хотел внушить им страх, который удержал бы их от новых нападений. Он приказал натянуть панцирь из буйволово́й кожи на китовую кость и знаками пригласил диких стрелять по нему своими стрелами. Они исполняли это с ловкостью и силою; но несмотря на твердость и остроту стрел, едва могли оцарапать кожу, чему весьма удивлялись. Тогда Александр показал им силу оружия флибустьеров. Один из них взял ружье, отошел на 60 шагов далее дикаря и выстрелил. Пуля пробила не только панцирь, но и кость. Удивленные индейцы подходили, дивились действию выстрела и потребовали пуль, чтобы попытаться на то же. Но пуля, положенная на тетиву, падала к ногам их. Тогда Александр показал им очень осязательным образом свою необыкновенную силу и дал понять знаками, что все товарищи его такие же силачи. С этим уверением отпустили индейцев, и с тех пор прекратились все нападения их.

Наконец, несчастные завидели корабль, плывший прямо к острову. Все флибустьеры спрятались, опасаясь, что заметив или узнав их, корабль переменит курс. О том, как действовать далее, мнения были различны; одни советовали просить начальника корабля принять их, другие, опасаясь неволи и даже смерти, решались защищаться до последнего.

Александр отверг последнее мнение, говоря, что им должно нападать первым, и увлек всех своим красноречием. Между тем, корабль бросил якорь; это был испанский купеческий корабль, но вооруженный по-военному. Экипаж терпел недостаток в пресной воде, которая особенно хороша на этих островах. Командир не заметил флибустьеров, но, зная злобу тамошних индейцев, поручил отправлявшимся на берег быть как можно осторожнее, выбрал для десанта лучших солдат и сам принял над ними начальство.

Флибустьеры видели, что неприятель идет в величайшем порядке и гораздо многочисленнее их; для уничтожения этих выгод они решились напасть на него нечаянно и для этого засели в густой роще. Отсюда они приветствовали испанцев убийственным залпом. Испанцы тотчас остановились для защиты. Огнестрельное оружие недолго оставило их в сомнении, с кем они имеют дело. Чобы выиграть время, выманить врагов из засады и уменьшить на время

опасность, все они легли на землю. Флибустьеры, за минуту ясно видевшие испанцев, не могли объяснить себе их внезапного исчезновения. Александр, горя нетерпением, в сопровождении немногих людей выбежал из засады, чтобы отыскать неприятелей, которые вдруг вскочили и с криком бросились на флибустьеров. Александр Железная Рука шел прямо навстречу их командиру, но запнулся о пень и упал к ногам его. Испанец не хотел дать ему времени встать и взмахнул саблей, чтоб раздвоить ему череп. Но тут-то Александру пригодилась его необыкновенная сила: еще полулежа схватил он руку испанца, вырвал у него саблю, вскочил и кликнул своих, которые сбежались со всех сторон, бросились на врагов и истребили всех до последнего.

Оставшиеся на корабле слышали пальбу, но не беспокоились о товарищах, предполагая, что они имеют стычку с индейцами, и довольствовались несколькими выстрелами из пушек, чтобы напугать диких. Одержав победу, флибустьеры не остались праздными: они надели платья убитых, причем оченьгодились им широкополые, совершенно закрывавшие голову испанские шляпы, наполнили воздух победными кликами, пошли на берег, сели на ожидавшие здесь лодки и отправились на корабль, на котором, благодаря переодеванию и наступавшим сумеркам, приняли их с радостью. На корабле оставалось немного солдат кроме матросов и пассажиров, и они были побеждены тем легче, что не подозревали ничего. Флибустьеры даровали жизнь только немногим матросам; прочих перерубили и потом отправились на этом большом, богато нагруженном корабле к Тортуге, куда и прибыли благополучно.

Одним из отличных предводителей флибустьеров был Лолонуа, которого подвиги и участь достойны подробного описания. Он происходил из Пуату, во Франции, и родился в так называемой Олонской степи, откуда и заимствовал прозвание, под которым известен. Вначале он принадлежал к буйволовым охотникам на острове Испаньоле, и своей милостью прославился между товарищами; потом вступил в общество флибустьеров и отличался на море. Мужество Лолонуа, подкрепляемое большим умом и хитростью, заставило тогдашнего губернатора Тортуги Де-ла-Пласа уговорить его приняться за морские набеги. Он сам дал ему корабль, и новый пират сделался в скором времени ужасом всех испанцев в Америке. Всякий умел рассказать что-нибудь о его подвигах и жестокостях. Все ему удавалось: он имел постоянно хороший ветер, легкие победы, богатую добычу, пока вдруг не поразил его жестокий удар судьбы: во время ужасной бури корабль его разбило на берегу Кампеш. Экипаж укрылся было на берегу, но испанцы во множестве напали на него и убили большую часть; Лолонуа был только ранен. Хитрость спасла его: он запачкал себе лицо и все тело кровью и упал между убитыми. Тут пролежал он, пока удалились испанцы, пробрался в лес, перевязав кое-как свои раны, снял платье с одного убитого испанца и смело пошел в город. В окрестностях города удалось ему подговорить несколько невольников соединиться с ним. Лолонуа смело пришел в город Кампеш, где многие товарищи его томились в цепях, а жители праздновали смерть его. Счастье увенчало дерзость – никто не узнал его. Невольники украли лодку и на ней отправились с Лолонуа на Тортугу, куда и прибыли благополучно.

С этой минуты желание Лолонуа отомстить испанцам не знало более границ; но он обеднел и только с величайшим трудом мог вооружить две лодки, на которых находилось 26 человек. С ними поехал он к Кубе, чтобы разграбить город де-Лос-Кайос, производивший значительную торговлю. Но несколько рыбаков вовремя заметили пиратов и подняли тревогу, что заставило гаванского губернатора поспешно отправить на помощь городу фрегат, вооруженный 10 пушками и 90 солдатами. Кроме того, приказано соединиться с флотом еще четырем хорошо вооруженным судам из Порт-о-Пренса, чтобы непременно погубить пиратов. Губернатор предписал командирам судов «не возвращаться, не истребив всех морских разбойников до последнего». Начальник фрегата должен был присягнуть, что не пощадит никого, и взял с собою негра для исправления должности палача. Лолонуа узнал обо всех этих распоряжениях и, не дожидаясь соединения неприятельских сил, пошел навстречу фрегату и сошелся с ним ночью. Лишь только начало светать, флибустьеры напали на фрегат с обеих сторон и взойшли

на него. Испанцы защищались храбро, но наконец 90 человек должны были покориться двадцати одному флибустьеру, и весь экипаж принужден сойти под палубу. Овладев кораблем, Лолонуа приказал выводить испанцев поодиночке на палубу и всем собственноручно отрубил головы, причем не был забыт и негр, которому назначили должность палача. Ярость Лолонуа доходила до того, что он после каждого удара лизал кровь, стекавшую с его сабли. Он оставил в живых только одного испанца, чтобы отправить к губернатору со следующим извещением: «что в возмездие за назначенный ему род смерти, он не оставит в живых ни одного испанца и имеет большую надежду наказать таким образом и самого губернатора, который, с своей стороны, однако, ни в каком случае не должен надеяться поймать его живого».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.